

Лукьяненко Антон Александрович

**АНТИНОМИЧЕСКИЙ КОНЦЕПТ СОЦИАЛЬНО-ИСТОРИЧЕСКОЙ РЕАЛЬНОСТИ В
КЛАССИЧЕСКОЙ И ПОСТНЕКЛАССИЧЕСКОЙ НАУКЕ**

На основе антиномического анализа автор рассматривает возможность методологического синтеза в исторической науке классических и постнеклассических подходов к социально-исторической реальности. Предложено сопоставить классический кантовский концепт мышления и современные постнеклассические подходы к социально-исторической реальности. Рассмотрены возможности и границы применения постструктуралистского и синергетического подходов к социально-исторической реальности в рамках классического антиномического концепта мышления.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/3/2013/12-3/25.html

Источник

**Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и
искусствоведение. Вопросы теории и практики**

Тамбов: Грамота, 2013. № 12 (38): в 3-х ч. Ч. III. С. 111-116. ISSN 1997-292X.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/3.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/3/2013/12-3/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net
Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: voprosy_hist@gramota.net

– в основе музыкального искусства Нового времени лежат рациональные элементы, а именно механизмы мысленного эксперимента;

– возникновение рациональных элементов в музыке обусловлено особенностями культуры Возрождения;

– мысленный эксперимент оперирует с идеализированными предметами, имеющими реальный первообраз, вследствие чего обладают чувственными характеристиками и свойствами;

– особенностью мысленного эксперимента в художественном творчестве является наличие элементов эмоционального и интуитивного.

Полученные результаты исследования могут иметь важное практическое значение для интенсификации музыкальной художественной деятельности, могут быть применены специалистами, работающими в сфере культуры, образования, социально-культурной деятельности, а также использованы для создания теоретико-методологических положений в преподавании общих и специализированных курсов в области современной эстетики, найти применение в области таких развивающихся дисциплин, как музыкальная феноменология, теория музыкального мышления, эстетика художественного творчества и т.д.

Список литературы

1. **Апрелева В. А.** Музыка как фундаментальное выражение культуры и предвосхищение особенностей ее развития: дисс. ... д. филос. н. М., 1999. 379 с.
2. **Аристотель.** Сочинения: в 4-х т. / пер. с древнегреч.; общ. ред. А. И. Доватура. М.: Мысль, 1983. Т. 4. 830 с.
3. **Библер В. С.** Мышление как творчество. Введение в логику мысленного диалога. М.: Политиздат, 1975. 270 с.
4. **Лопатин Л. М.** Аксиомы философии. Избранные статьи. М.: Российская философская энциклопедия (РОССПЭН), 1996. 560 с.
5. **Лосев А. Ф.** Эстетика Возрождения. Исторический смысл эстетики Возрождения / сост. А. А. Тахо-Годи. М.: Мысль, 1998. 750 с.
6. **Мах Э.** Познание и заблуждение. Очерки по психологии исследования. М.: БИНОМ. Лаборатория знаний, 2003. 456 с.

RATIONAL ELEMENTS FORMATION IN MUSIC OF EARLY MODERN PERIOD

Kul'bizhekov Viktor Nikolaevich, Ph. D. in Philosophy
Krasnoyarsk City
oolam@yandex.ru

The topical problem of sensory and rational in musical art, and also the issues of scientific and artistic world cognition interaction are considered in the article. The author develops the idea about the interconnection and indivisibility of these spheres of human activity, united, in his opinion, also by such cognition instrument as mental experiment. Mental experiment operations are considered as the operating mechanisms of the musical art of the Early Modern Period. The analogy of many operations of mental experiment in music and science is emphasized in the article that proves the community of intellectual processes in natural science and artistic creativity.

Key words and phrases: mental experiment operations; sensory and rational; idealized object; aesthetic activity; scientific and artistic cognition; modelling; extrapolation.

УДК 001.5

Философские науки

На основе антиномического анализа автор рассматривает возможность методологического синтеза в исторической науке классических и постнеклассических подходов к социально-исторической реальности. Предложено сопоставить классический кантовский концепт мышления и современные постнеклассические подходы к социально-исторической реальности. Рассмотрены возможности и границы применения постструктуралистского и синергетического подходов к социально-исторической реальности в рамках классического антиномического концепта мышления.

Ключевые слова и фразы: антиномия; история; концепт; методология; постструктурализм; реальность; синергетика; трансцендентализм.

Лукьяненко Антон Александрович

Тюменский государственный архитектурно-строительный университет
anton_lukyanenko@bk.ru

АНТИНОМИЧЕСКИЙ КОНЦЕПТ СОЦИАЛЬНО-ИСТОРИЧЕСКОЙ РЕАЛЬНОСТИ В КЛАССИЧЕСКОЙ И ПОСТНЕКЛАССИЧЕСКОЙ НАУКЕ[©]

В современной исторической науке наблюдается серьезный методологический кризис. С одной стороны, классические методы исторических исследований не отвечают требованиям современного мировоззрения

и новым критериям научности. С другой стороны, активное (зачастую некритическое) внедрение постнеклассических подходов к социально-исторической реальности приводит к расшатыванию самих основ исторической науки. М. В. Сапронов считает, что если негативные тенденции в исторической методологии будут развиваться и дальше, то «...существует опасность возвращения истории к своим истокам – ко времени Геродота и Гомера, когда она понималась как простое описание давно прошедших событий, как один из видов искусства...» [8, с. 150]. Одним из возможных способов выхода из кризиса может стать методологический синтез классических и постнеклассических подходов к социально-исторической реальности. Одной из проблем на пути подобного синтеза является подход к антиномическому способу рассмотрения реальности, отказ постнеклассических подходов от применения принципов бинарности и борьбы противоположностей.

В данной статье мы на основе антиномического анализа попытаемся дать оценку возможности методологического синтеза в исторической науке классических и постнеклассических подходов к социально-исторической реальности.

В силу ограниченности рамок статьи, нами будут рассмотрены только некоторые классические и постнеклассические подходы к социально-исторической реальности. В качестве наиболее яркого примера классического антиномического концепта мышления будет взята философия И. Канта. Хотя Кант не ставил вопрос о возможности исторической науки, тем не менее именно философия Канта положила начало многим классическим методологическим подходам в исторической науке и оказала серьезное влияние на историческую методологию в целом.

В философии Канта можно выделить теоретический и практический уровни репрезентации реальности. Основополагающей антиномией теоретического разума являются конечность и бесконечность мира, поскольку остальные антиномии логически выводимы из нее. В своем практическом применении разум сталкивается с иной антиномией. Это связано с тем, что в сфере практического применения необходимость поступка (долга) имеет под собой совершенно иные основания, отличающиеся от оснований теоретической необходимости (истины). По этому поводу Кант пишет: «...естественная необходимость, несовместимая со свободой субъекта, присуща лишь определениям той вещи, которая подчинена условиям времени, стало быть, лишь определениям действующего субъекта как явления, следовательно, поскольку определяющие основания каждого его поступка лежат в том, что относится к прошедшему времени и уже не в его власти..., но тот же субъект, который, с другой стороны, сознает себя также, как «вещь сама по себе», рассматривает свое существование, и поскольку оно не подчинено условиям времени, а себя самого как существо, определяемое только законом, который оно дает самому себе разумом» [4, с. 267-270]. Следовательно, необходимость в практическом применении разума определяется как собственное законодательство разума через свободу. Ключевыми антиномиями практического применения разума становятся свобода и закон (закономерность).

Ни теоретическая, ни практическая антиномии в отдельности не отражают всей проблематики исторического познания. С одной стороны, историческая наука требует подтверждения истинности фактов и событий, что приводит к требованию завершенности (конечности) конструкции исторического события и реальной бесконечной возможности их реконструкций (бесконечности). С другой стороны, история должна рассматриваться как свободно творимая людьми и при этом не лишенная закономерностей, на основе которых ее возможно было бы познать. Фактически обе антиномии объединяет фундаментальная классическая антиномия познания: мир познаваем – мир непознаваем.

Мы считаем, что теоретический и практический уровни антиномий находятся между собой в синтетическом единстве. Это единство можно увидеть уже в доказательстве Кантом категорического императива. По замечанию М. Шелера, у Канта отвергается любая этика, основывающая свои результаты на индуктивном, при этом «эмпиризм здесь ошибочен не потому (как это представляет себе Кант), что долженствование нельзя извлечь из бытия, но потому что бытие ценностей нельзя извлечь из какой-либо формы реального бытия (будь то реальные действия, суждения, переживания, долженствования), а качества и связи ценностей независимы от этих последних» [10, с. 265]. В сущности, у Канта, по мнению Шелера, средством нахождения практического закона становится «то анализ отдельных примеров нравственных суждений здравого человеческого рассудка..., то утверждение, что нравственный закон является фактом чистого разума», при этом Кант не может показать, «...чем факты, на которые должна опираться даже априорная этика, ... отличаются... от фактов наблюдения или индукции» [Там же]. Кант в доказательстве категорического императива вынужден произвольно переходить от безусловного духовного начала к реальным фактам. Причем это скорее не переход, а системная зависимость двух уровней репрезентации социальной реальности. Эта системная зависимость представляет, на наш взгляд, проявление структурированности и целостности антиномического концепта социально-исторической реальности.

Но в практической философии Канта существует еще одна важная антиномия. Мы подходим ко второй антиномии практической философии И. Канта, а именно – антиномии всеобщности и индивидуальности. Мы считаем, что эта антиномия представляет результат синтетического отношения материального (конечность и бесконечность) и духовного (свобода и закономерность) уровней антиномического концепта социально-исторической реальности. Если практический закон есть индивидуальное законодательство разума через свободу, то каким образом он может быть всеобщ?

Уточнить данный вопрос можно на примере исторических воззрений самого Канта. Основным результатом исторического развития Кант считает построение всемирно-гражданского общества. Это становится у Канта всеобщим принципом исторического развития. Положение о том, что историческая реальность есть нечто всеобщее, указывает на то, что она есть закономерная конечность. Рассматривая социально-историческую

реальность в аспекте всеобщности, историк стремится обобщить всю ее полноту единым законом. Подобный концепт всеобщего наиболее полно нашел свое отражение в философии Г. В. Ф. Гегеля, в которой абсолютный дух есть конечный результат и закон истории. Мы считаем, что в исторической науке проблема индивидуального и всеобщего возникает в результате синтетического единства теоретических и практических антиномий. Под синтетическим единством здесь понимается совместное действие между антиномическими оппозициями, возникающее в результате интенциональной обращенности мышления к предмету (бытию), в данном случае – к социально-исторической реальности. Так, единство конечного и закономерного в мышлении рождает особый дискурс всеобщего, в котором положения о завершенности и целостности истории становятся более обоснованными. Синтетическое единство свободы и бесконечности позволяет взглянуть на историю как на необозримую совокупность индивидуальных событий.

В. Виндельбанд и Г. Риккерт попытались решить антиномическую проблему всеобщего и индивидуального путем введения идеи трансцендентальных ценностей. Хотя теория трансцендентальных ценностей позволяла разрешить эту антиномию, но выглядела крайне догматично. Как отмечает Риккерт: «...мы не имеем даже право утверждать, что абсолютные ценности необходимо должны лежать или на последней ступени созерцания, или на последней ступени действительности, ибо вполне возможно, что обе эти области вполне равноценны друг другу, или даже, наконец, вся сфера свершенной целостности может быть объявлена, вследствие своего трансцендентного характера, проблематичной» [7, с. 387]. Тем не менее, опыт трансцендентальной аксиологии показывает, что антиномия всеобщности и индивидуальности не является простой антиномией мышления, она возникает из обращенности (интенции) мышления к бытию и может быть обозначена как онтологическая антиномия.

Для анализа постнеклассических подходов к социально-исторической реальности важно то, что классическая парадигма предполагает существование онтологических антиномий на базе антиномий мышления. При обращенности (интенции) мышления к бытию (предмету, реальности) происходит синтез (совместное применение) разноуровневых антиномических оппозиций мышления, что вызывает возникновение онтологических антиномий. В дальнейшем базисные антиномии мышления (конечное и бесконечное, свобода и закономерность) мы условно, для удобства изложения, обозначим как гносеологические антиномии, или антиномии первого порядка.

Далее необходимо рассмотреть, насколько такой антиномический концепт может быть применим в анализе постнеклассических подходов к социально-исторической реальности.

Постнеклассический подход к социальным явлениям возникает как реакция на радикальные перемены в жизни общества, происходившие во второй половине XX века. Согласно сторонникам этих постнеклассических идей, мировоззрение современного общества приобретает все более хаотичное содержание. Эти процессы не могут быть описаны классической детерминистской моделью линейного развития. На базе подобных воззрений зарождаются два крупных методологических направления философии, оказавших серьезное влияние не только на восприятие социальной, но и социально-исторической реальности, а именно – постструктурализм и синергетика. Каждый из этих подходов предполагает рассмотрение социально-исторической реальности в собственном уникальном дискурсе. Мы попытаемся рассмотреть эти подходы в русле классического антиномического концепта мышления.

В первую очередь, мы рассмотрим достаточно современный для истории способ разрешения антиномий познания социально-исторической реальности – постструктурализм. Предположим пока две наиболее вероятные гипотезы об отношении постструктурализма к антиномической структуре концепта социально-исторической реальности. В первой гипотезе утверждается, что в постструктурализме разрешение гносеологических антиномий происходит в пользу свободы и бесконечности и, соответственно, в пользу онтологической антитезы индивидуального. С гносеологических позиций это приводит к тому, что история начинает рассматриваться как набор бесконечных и свободно (непредсказуемо) творимых событий. С онтологических позиций творец текста воспринимается как божество, творящее социально-историческую и, собственно, социальную реальность. Во второй гипотезе утверждается, что постструктуралистский подход разрешает основополагающую антиномию познаваемости и непознаваемости социально-исторической реальности в пользу непознаваемости. Стоит дополнительно отметить, что иногда происходит отождествление идеи непознаваемости истории и утверждения о том, что историк сам конструирует историческую реальность. Мы считаем, что непознаваемость истории и ее конструируемость есть совершенно разные характеристики реальности, которые часто неправомерно отождествляют. Это отождествление конструируемости истории и ее непознаваемости становится одним из фундаментальных барьеров между классическими и постнеклассическими моделями социально-исторической реальности. Далее мы покажем, что идея конструкции истории была изначально заложена в классическом антиномическом концепте познания.

Согласно постструктуралистскому подходу, классическая идея реконструкции истории возникает в результате обращения к миру трансцендентного, а трансцендентализм возникает в европейской философии из идеи «присутствия». Это положение ярко продемонстрировал Ж. Деррида в своем критическом анализе феноменологии Э. Гуссерля.

В отношении предмета Э. Гуссерль четко различает выражение как нечто выражающее – выражаемое (означаемое) – и знак (*Anzeigen*) как указательное свойство предмета на что-то иное, чем сам предмет, при этом указание может быть только в реальности. В субъективном монологе Э. Гуссерль определяет неизбежное господство выражения, выделяя из него некоторое иллюзорное свойство «показа» (*Hinzeigen*), т.е. ситуации, в которой субъект инициирует разговор с самим собой (показывает себя для себя). Данное различение

базируется на том, что, как определяет Э. Гуссерль, «существует не созданное в фантазии звучание слова или его запись, но фантазия как представление о них» [1, с. 46]. То есть даже фантазируемые иллюзорные предметы происходят из реальных представлений (феноменов). Здесь рассматривается фундамент для различения реконструкции и интерпретации. Интерпретация у Гуссерля начинает базироваться на реконструкции. Однако Ж. Деррида справедливо замечает, что это различие «показа» (Hinzeigen) и «указания» (Anzeigen) не имеет достаточно четкого обоснования. Он говорит о возможной независимости и даже главенстве показа (иллюзии) над указанием. Это связано с тем, что «из-за изначально репетитивной структуры знаков вообще всегда есть вероятность, что действующий язык точно такой же воображаемый, как воображаемая речь, а воображаемая речь точно такая же действительная, как действительная речь» [2, с. 70]. При этом Деррида определяет, что ментальный предмет представляется таким же образом, как и предмет реальный. То есть «указание» становится неотделимо от выражения, а выражение определяет выражаемое. Трансцендентное становится иллюзией присутствия чего-то за пределами выражения, за пределами текста (знания). Поэтому интерпретация становится главенствующей в познании, а предмет – не реконструируемым, а конструируемым.

Поскольку трансцендентное – это всего лишь иллюзия присутствия, то и интерпретация осуществляется не в отношении реконструируемого, а в отношении конструируемого предмета. Но тогда, если речь идет о разрешении фундаментальной антиномии познаваемости (реконструкции) и непознаваемости (конструкции) в пользу непознаваемости, вообще не приходится говорить об антиномиях истории, т.е. отвергается весь антиномический концепт.

Для решения этой проблемы рассмотрим подход к социально-исторической реальности, предложенный Ж. Делезом. Мы считаем, что индивидуальность – это основная характеристика того дискурса, который использует Делез при рассмотрении социально-исторической реальности. В структуре антиномического концепта оппозиция индивидуальности возникает из синтетического отношения свободы и бесконечности. В таком дискурсе реальность рассматривается как бесконечная совокупность индивидов, являющихся индивидами в силу своей свободы, и историк, выходя за свои пределы, должен охватить эту реальность. Единственный способ это сделать – выйти за свои пределы, раствориться в реальности прошлого (сделать ее сопричастной себе), но остаться индивидом. Подобным образом понятие индивидуальности в философии Делеза интерпретирует и А. В. Дьяков: «Индивидуальность выходит за пределы собственной формы и своей синтаксической связи с миром, чтобы вступить в универсальную коммуникацию событий. Она сознает саму себя как событие, а событие, осуществляющееся в ней, – как другую индивидуальность, привитую к первой. Таким образом, индивидуальность уподобляется зеркалу, собирающему на своей поверхности сингулярности» [3, с. 408]. Это – не индивидуальность и не субъект в классическом смысле. Однако, для индивидуальности как онтологической оппозиции классического антиномического концепта и для индивидуальности, описываемой Ж. Делезом, подходят одни и те же способы интерпретации с незначительными различиями. Так, для описания концепта индивидуальности Ж. Делеза подходят термины, рассматривающие бесконечность сингулярностей и свободное их отражение (произвольное) в индивидууме. В этом случае идея конструкции возникает в результате разрешения онтологической антиномии индивидуального и всеобщего в пользу индивидуального способа рассмотрения реальности. Конструируемость истории не предполагает ее непознаваемости, она говорит лишь о бесконечности и свободе творения исторической реальности.

М. Соловьева и А. В. Полетаев попытались создать методологию истории, полностью базирующуюся на постструктуралистских принципах. Центральным пунктом предлагаемой ими методологии истории стала идея о деконструкции времени и пространства, а также тезис о принципиальном конструировании социально-исторической реальности со стороны историка. Подобный взгляд авторы подкрепляют следующим утверждением: «уже структурная история показала, что историческое время можно разрушить точно так же, как историческое пространство» [9, с. 654]. Но при этом авторы отмечают, что абсолютизация этого принципа превращает историю в неразличимость, фактически ни во что, поэтому полноценно применить в познании социально-исторической реальности постструктуралистскую установку невозможно. В силу этого, авторы в традиционной манере выделяют классические факторы исторической реконструкции. Они утверждают, что «факторы, которые определяют неизбежность вторжения настоящего в прошлое, – это культура идеологии и соответствующая система ценностей...» [Там же, с. 661]. То есть при применении постструктуралистских принципов в исторической методологии не происходит полного отказа от оппозиции всеобщего. Речь идет о «радикальной» актуализации в антиномическом концепте онтологической оппозиции индивидуального, что накладывает соответствующий отпечаток на весь постструктуралистский дискурс социально-исторической реальности. Соответственно, в качестве исторического подхода постструктурализм может быть рассмотрен в рамках антиномического концепта мышления.

Другим направлением неклассической науки, претендующим на создание целостной методологии истории, является синергетика. Основной особенностью синергетики является идея глобального эволюционизма, совмещенная с принципами самоорганизации социальных систем. У истоков синергетики стояли такие ученые, как Г. Хакен, И. Пригожин, И. Стенгерс, А. И. Колмогоров, В. И. Арнольд и др. Можно сказать, что начало синергетики связано с исследованием так называемых диссипативных систем. И. Пригожиным было показано, что при притоке в достаточно сложную среду вещества или энергии из внешней среды в ней возможно образование новых структур. Вопреки классической модели роста энтропии Вселенной был показан принцип образования упорядоченных диссипативных структур за счет флуктуаций (случайных отклонений) в определенной среде. В качестве диссипативных систем было предложено рассматривать и общество. Соответственно, история общества была представлена в качестве постоянного перехода от хаоса к порядку, в качестве непрерывного

процесса самоорганизации и образования новых структур. Как отмечает сам И. Пригожин: «особенно важным... мы считаем то, что необходимость, или стрела времени, влечет за собой случайность» [6, с. 373]. Ключевыми состояниями исторического процесса становятся необходимость и случайность, порядок и хаос.

Соотнося состояния порядка и хаоса с антиномическим концептом мышления, можно было бы предположить, что эти понятия есть своеобразная проекция антиномии конечного и бесконечного. В свою очередь, переход от хаоса к порядку и наоборот есть результат операции мышления, стремящегося разрешить антиномию. Однако это – поверхностный подход, не отражающий существа дела. В дискурсивном аспекте концепт бесконечности предполагает усиление социального обоснования положений о случайности, непредсказуемости любого процесса. Однако такая случайность понимается И. Пригожиным в совершенно особом смысле: случайность (непредсказуемость, бесконечность вариаций) становления структуры обусловлена у него самой закономерностью и неизбежностью такого становления. И. Пригожин отмечает: «Модели порядка через флуктуации открывают перед нами неустойчивый мир, в котором малые причины порождают большие следствия, но мир этот произволен. Наоборот причины усиления малых событий – вполне законный предмет рационального анализа» [Там же, с. 289-270]. Речь в данном случае, на наш взгляд, идет о том, что случайность подчинена не определенному незыблемому закону порядка, а некоей вечно воспроизводимой закономерности. Иными словами, синергетический дискурс усиливает концепты бесконечности и закономерности в их синтетическом единстве. Флуктуация понимается не как причинная детерминанта процесса, а как способность рационального освоения и описания эволюционных изменений, поскольку эти законы эволюции присущи самой рациональности как части мира и результата этой эволюции. В дискурсивном аспекте концепт конечного актуализирует положения о детерминированности процессов, существовании причины и результата, начале и конце. Диссипативные структуры не могут быть рассмотрены в данном контексте. Следовательно, синергетический подход актуализирует совершенно особую онтологическую оппозицию антиномического концепта мышления, возникающую в качестве синтетического единства оппозиций бесконечности и закономерности. Условно эту онтологическую оппозицию, пользуясь метафорой самого И. Пригожина, можно обозначить как «небо», или бесконечный нелинейный цикл.

Несмотря на развитие синергетического подхода в рамках гуманитарных наук, границы его применимости остаются под вопросом. Под вопросом остается и возможность полноценного описания с помощью синергетических принципов социально-исторической реальности. М. В. Сапронов считает, что синергетика должна стать своеобразным «стержнем» исторической науки. Нелинейность рассматривается им как положительная составляющая синергетической методологии. По его мнению, «синергетика позволяет увидеть в толпе людей, каждый из которых является взаимозависимым и взаимосвязанным с другими и поэтому может воздействовать на социальную систему, нарушая равновесие» [8, с. 158]. С данным утверждением можно согласиться, но при учете особого дискурса восприятия человека. Человек все же воспринимается как элемент системы, хотя и наделенный собственной личностью, уникальностью и волей. С другой стороны, Н. Н. Мальцева указывает на неэффективность применения принципов синергетики, ни в качестве мета-методологии, ни для анализа конкретных исторических явлений. Она пишет: «...в макросоциальных (детерминистских) методологических подходах, применяемых при изучении истории, привлечение синергетических принципов либо к чисто формальному, либо неприменимо по существу... При описании частных исторических явлений имеется возможность применить синергетический подход: предсказательная сила при этом практически отсутствует... что является проблемой синергетики вообще и не связано с методологическими проблемами исторической науки» [5, с. 303]. И та, и другая позиции имеют под собой серьезные основания. Однако если рассматривать эту проблему в рамках антиномического концепта мышления, то становится возможным прояснить некоторые важные аспекты синергетического подхода и разрешить это противоречие.

В синергетике антиномия конечности (детерминирующей необходимости) и бесконечности (случайности) разрешается в пользу бесконечности. В свою очередь антиномия свободы и закономерности – в пользу закономерности. Порядок и хаос не являются противоположными состояниями, как, например, бытие и небытие у Г. В. Ф. Гегеля. Иллюзия противоположности возникает вследствие того, что синергетика стремится разрушить познавательный барьер между природой и социумом, в результате чего социальный уровень антиномического концепта, отраженный антиномией свободы и закономерности, сближается с космологической антиномией конечного и бесконечного, однако такое сближение в рамках антиномического концепта есть внешняя видимость. Но часто из-за этой видимости синергетическую закономерность (порядок), относящуюся больше к социальному (духовному) уровню антиномического концепта, отождествляют с естественной закономерностью, относящейся к теоретическому уровню (оппозиция конечного) и указывающей на детерминизм природы, ее ограниченность. Если антиномически правильно оценивать синергетический подход, то его применение в гуманитарных науках вполне допустимо, но в своих антиномических пределах, для раскрытия сущности нелинейных закономерностей истории и способов образования социальных систем.

Таким образом, в постнеклассических подходах к социально-исторической реальности отказ от бинарных антиномических систем происходит с помощью «радикализации» антиномического концепта мышления. Современные подходы отказываются от полноты возможного охвата антиномического «пространства» социально-исторической реальности с целью ухода от противоречивого ее восприятия. Однако классический антиномический концепт мышления по-прежнему сохраняет свое довлеющее влияние.

Является ли попытка выйти за рамки антиномического концепта мышления посредством его радикализации шагом вперед или новой вехой классической науки, на наш взгляд, покажет будущее. Очевидна пока только продуктивность таких постнеклассических подходов в методологическом плане, для исследования

отдельных узких аспектов реальности. На наш взгляд, претензия на методологический универсализм в рамках как классических, так и постнеклассических подходов неоправданна и некорректна. Тенденция «радикализации» антиномического концепта социально-исторической реальности может в будущем смениться либо возвратом к классическим оппозиционным структурам мышления, либо продолжить свое движение и, возможно, таким образом разрушить устоявшиеся антиномические модели описания социально-исторической реальности, которые по-прежнему оказывают значительное влияние на историческую методологию.

Список литературы

1. Гуссерль Э. Собрание сочинений / пер. с нем. В. И. Молчанова. М.: Гнозис; Дом интеллектуальной книги, 2001. Т. 3. Логические исследования. Т. II. 489 с.
2. Деррида Ж. Голос и феномен / пер. с франц. С. Г. Кашина, Н. В. Сусллова. СПб.: Алетейя, 1999. 208 с.
3. Дьяков А. В. Жиль Делёз. Философия различия. СПб.: Алетейя, 2012. 504 с.
4. Кант И. Критика практического разума. Изд-е 2-е. СПб.: Санкт-Петербургская издательская фирма «Наука» РАН, 2007. 528 с.
5. Мальцева Н. Н. Возможности и границы применения синергетики в философии истории // Научные ведомости. Серия: Философия. Социология. Право. Белгород: Белгородский государственный университет, 2011. № 2. С. 298-304.
6. Пригожин И., Стенгерс И. Порядок из хаоса: новый диалог человека с природой / пер. с англ. и общ. ред. В. И. Аршинова, Ю. Л. Климонтовича и Ю. В. Сачкова. М.: Прогресс, 1986. 432 с.
7. Риккерт Г. Науки о природе и науки о культуре / общ. ред. и предисл. А. Ф. Зотова. М.: Республика, 1998. 413 с.
8. Сапронов М. В. Концепции самоорганизации в общественности: мода или необходимость? // Общественные науки и современность. М.: Издательство Президиума РАН, 2001. № 1. С. 148-161.
9. Соловьева И. М., Полетаев А. В. История и время. В поисках утраченного. М.: Языки русской культуры, 1997. 800 с.
10. Шелер М. Избранные произведения / пер. с нем. А. В. Денежкина, А. Н. Малышкина, А. Ф. Филипова; под ред. А. В. Денежкина. М.: Гнозис, 1994. 490 с.

**ANTINOMIC CONCEPT OF SOCIAL-HISTORICAL REALITY
IN CLASSICAL AND POSTNONCLASSICAL SCIENCE**

Luk'yanenko Anton Aleksandrovich

*Tyumen State University of Architecture and Civil Engineering
anton_lukyanenko@bk.ru*

Basing on antinomic analysis the author considers the possibility of the methodological synthesis of classical and postnonclassical approaches to social-historical reality in historical science. It is suggested to compare the classical Kantian concept of thinking with modern postnonclassical approaches to social-historical reality. The possibilities and limits of post-structuralist and synergistic approaches application to social-historical reality within the framework of the classical antinomic concept of thinking are considered.

Key words and phrases: antinomy; history; concept; methodology; post-structuralism; reality; synergy; transcendentalism.

УДК 32.019.51

Политология

В статье рассматривается анонимность как характерная для киберкультуры политическая постматериалистическая ценность. Определены субъектный и объектный типы анонимности и их связь с политическим режимом. Выявлен характер влияния анонимности на конструирование идентичностей и ревизию феномена политического. Рассмотрен феномен стирания границ между приватной и публичной сферами. Выявлены сдвиги в восприятии анонимности как ценности, обусловленные развитием технологий Веб 2.0. Рассмотрен феномен нарциссизма как новой ценности Интернета.

Ключевые слова и фразы: анонимность; Интернет; киберкультура; нарциссизм; политические ценности; политическое сознание; постматериалистические ценности.

Мартьянов Денис Сергеевич, к. полит. н.

*Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена
martyanoff@mail.ru*

АНОНИМНОСТЬ КАК ПОЛИТИЧЕСКАЯ ЦЕННОСТЬ КИБЕРКУЛЬТУРЫ[©]

Актуальной, но слабо рассмотренной темой отечественной политической науки является трансформация политических ценностей в результате распространения киберкультуры. Целью данной статьи является выявление динамики политических ценностей киберкультуры на примере анонимности. Цель предполагает решение следующих задач.